

Галина Лебедева

КОЛЬКИНО ЛЕТО



Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2018

УДК 244
ББК 86 372
Л33

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС 18-810-0400

Художник Н. Леонова



ОКУНЬКИ

Лебедева Г. В.
Л33 Колькино лето. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. — 120 с.: ил.

Что может быть лучше, чем провести последнее лето перед школой в деревне у любимых дедушки и бабушки, где тебя ждёт столько разных открытий?! Именно здесь, живя на природе, можно побывать на рыбалке и поймать окуней, покрасить зелёной краской не только калитку, но и рога козы, найти Дракона на звёздном небе. А ещё узнать, что такое дымарь и зачем он нужен, выбраться из страшного оврага и научиться дружить. А мудрые дедушка и бабушка всегда подскажут, как исправить свои ошибки и у Кого просить помощи, когда помощи просить не у кого.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018

© Лебедева Г., текст, 2018

© Леонова Н., иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-88017-722-6

Летом я жил у деда и бабушки в деревне, а мама с папой приезжали к нам на мотоцикле. В пятницу вечером, когда уже прогоняли коров и становилось прохладно и тихо, мы, сидя на крылечке, прислушивались — не едут ли. И, когда издали долетали едва слышные потрескивания мотора, бабушка, улыбаясь, говорила: — Ну, слава Тебе, Господи! Едут! — и бежала в дом ставить на огонь чугунок молодой

картошки. Раскладывая на столе вилки и нарезая хлеб, она соображала вслух:

— Это они сейчас в Степунове, потом через Чернево... Пока через мост переедут, да там ещё поле — у меня уж всё готово будет. И на столе раскрывалась «скатерть-самобранка», и, потирая руки, дедушка с удовольствием оглядывал плоски малосольных огурчиков, маслят и стрелы зелёного лука, только что сорванного с грядки...

И вот, они уже здесь, сняли шлемы. Мама сбросила рюкзак на порог. А в нём пакеты, кулёчки и свёрточки — всё такое вкусное, городское!

А потом за столом — главные разговоры: про рыбалку. И где ловить лучше, и на что, на червя или на манную кашу.

— Намедни поймал щуку недалеко от купальни, — рассказывает дед. — Ух и сильная! В воду меня по пояс утащила! Кое-как справился. Во какая! — развёл он руки, так что мама и бабушка даже отклонились, давая ему простор. А папа усмехнулся недоверчиво, хрустя огурчиком:

— Ну-ну-ну!

— Да вот ей-ей! — горячится дед и широко, убедительно крестится.

— Когда ж я-то на рыбалку пойду?! — не усидел я. — Я тоже поймать хочу!

— Сиди, сиди пока. Рыбалка — не шутка! Вода! Тут или за тобой глядеть, или на поплавок, — старался успокоить меня дедушка.

— Вот так всегда — погоди да подрасти, — я не стерпел и разревелся.

Мама и бабушка сжалились надо мной и стали просить:

— Да возьмите вы его.

А мама прямо-таки к папе приступила вплотную:

— Далась тебе эта рыба! Сам разочек не половишь, рядом посидишь, а ему какое удовольствие!

— Ну ладно, — сдался папа и сказал мне: — Пошли червяков копать.

А дед махнул рукой:

— Эх, пропало дело! Чегой-то у меня поясницу нынче ломит. Останусь-ка я дома, а червяки — во-о-он там, у колодца, под брёвнышком.

Кот Кеша сразу же увязался за нами.

— Ишь, как к тебе подлизывается! — смеялся папа. — Напоминает о себе, мол, и я с вами.

— И тебя возьмём, и тебя! — гладил я его по спинке. — Пап, возьмём?!

Я был так рад, так рад и хотел, чтобы всем-всем — и Кешке тоже — было счастье!

— Да мы рано-раненько, на зорьке встанем, — перебирая сырые комочки земли и высматривая в них червяков, ответил папа. — Кешка ещё спать будет. И ты сейчас иди давай, быстренько лезь на сеновал, мы там с тобой сегодня переночуем, чтоб никого не будить спозаранку.

— Ух ты! И на сеновале спать! Столько мне прям сразу счастья привалило!

На сеновал надо взбираться по узенькой деревянной лесенке. Мне одному туда лазить строго-настрога запрещалось. Один раз дедушка поймал меня на третьей ступеньке да крапивой так надрал, что я два дня чесался. А теперь с папой — можно!

Ух и хорошо на сене! Мягко! Над головой, совсем близко — руку протяни, — шершавые доски крыши, внизу, в стойле, дышит и хрумкает коза, а в щёлочку видно, что уже стемнело.

— Устроились? Хорошо вам? — спросила снизу мама. — Ну, тогда спите, рыбаки.

Я проснулся оттого, что папа легонько шлёпал меня по щеке.

— Вставай. А то — один уйду!

— Один! Ещё чего!

Я сразу же проснулся, только никак не открывались глаза. И папа взял меня под мышку, и так мы вместе слезли вниз.

Бабушка уже встала и хлопотала у стола.

— Чайку стаканчик! Надо, надо обязательно... А то силы не будет рыбу тащить. Ты уж там постарайся, — она подсунула мне хлеб с колбаской, — а я ждать буду, сковородку большую из чулана достану. Нажарим! Гостей назовём: тётю Нюру, дядю Юру, бабу Таню, деда Ваню! Во сколько! — смеялась бабушка, провожая нас, и я обещал наловить побольше.

Мы пошли. Холодно мне было что-то. Я никак не мог по-настоящему проснуться, а папа шёл быстро впереди меня и покрикивал:

— Не отставай, не отставай, клёв пропустим!

Дорога свернула куда-то вбок, в кусты, и превратилась в тропинку. Я вприпрыжку поспевал за ним, стараясь не скатиться



по крутизне и не выронить банку с червяками. Лежал туман, и всё было серое: и вода, и кусты.

— Давай-ка банку открывай.

Папа уже разматывал леску, когда я подбежал к нему.

— Вылавливай червяка пожирней... Ну вот и готово!

Он дал мне удочку.

— Держи крепко! Вот, встань сюда! — и уступил мне место у воды на вытоптанном пятачке возле коряги. А сам встал рядом.

Я взмахнул удочкой, леска свистнула и ушла в тёмную воду. И сразу же задрожал и утонул поплавок. И всё! И больше не появлялся, а удочку так и затрясло.

— Пап, куда-то поплавок делся...

— Тяни! — крикнул папа, и я дёрнул. Из воды выскочила рыба и прямо на меня! Я бросил удочку и отскочил, налетел на папу и хотел бежать. На траве у моих ног трепыхался зелёный, полосатый окунь с оранжевым хвостом и плавниками. Он подпрыгивал в траве уже у самой воды.

— Хватай! Удерёт! — крикнул папа и тут же, не дожидаясь меня, упал на колени и — раз-раз-раз! — поймал вертлявую рыбку.

— Ну, поздравляю! С первым! Да с таким большим! — хохотал папа. — Давай скорей пакет!

— А пакета нет, забыли.

— Ну ничего, сейчас... изобретём что-нибудь.

Папа положил окуня подальше от воды в травку, потом сел, расшнуровал кроссовки и связал шнурки в одну верёвочку.

— В жизни главное что? Правильно, смекалка!

Папа просунул кончик шнурка окуню под жабру:

— Вот он и попался. Теперь свяжем концы и пустим его, голубчика, плавать.

С этими словами он накинул верёвочную петлю на корягу и опустил рыбу в воду. Окунь ушёл в глубину и там притих.

Папа проверил червяка, закинул удочку. Не успел поплавок всплыть, как опять потонул, и всё повторилось. Теперь уже я кричал во всё горло:

— Ключёт! Тяни!

Папа не растерялся, и из воды выскочил такой же окунь.

— Повезло нам! — радовался папа, нанизывая его на шнурок и отправляя туда же, к своим. — Это мы на окунёвую стаю напали. Сиди тихо, а то спугнём.

И мы закинули снова — и снова поймали. Солнышко показалось над кустами на той стороне реки. Стало тепло, даже жарко. У нас было на связке уже восемь штук, когда папа сказал:

— Ну всё. Кажется, теперь можно расслабиться. Клёв кончился.

Стало совсем жарко. Одежда наша лежала на траве. Я сидел, упрямо уставясь на замерший поплавок, но рыба больше не ловилась.

— Сиди, не вставай, — приказал мне папа. — Я сначала сам, потом тебя искупаю, и — домой. Папа нырнул и поплыл, но недалеко, и всё поглядывал на меня.

— Не суйся в воду!

А мне интересно стало, как там наши рыбы, и я заглянул под корягу. А они там, в тёмной воде, на верёвочке, шевелят плавниками. Мне захотелось полюбоваться на них — какие они, и посмотреть на своего. Он был самый большой. Я подтянул к себе всю связку и отцепил её от коряги. Рыбы как начнут трепыхаться,

и скользкая верёвочка выскочила у меня из рук. Я закричал и хотел кинуться за ними, но испугался воды и остался. Я только выл и прыгал, показывая на окуней. А они крутились в воде, и от них расходились маленькие волны. И вот они поплыли все вместе и унырнули в глубину.

— А-а-а-а-а! — я даже плакать не мог.

Папа уже плыл ко мне изо всех сил и, когда стало мелко, побежал по колению в воде, поднимая фонтаны брызг.

— Что? Что? — кричал он, а я всё показывал рукой туда, где исчезли окуни.

— Упустил! Уплыли! — понял папа. — Ну, не реви. Не беда... Ещё пойдём завтра... Воскресенье же будет! Мы ещё завтра не уедем.

А я всё смотрел, смотрел на воду, и мне казалось, что я вижу, как на середине реки плещется, рябит что-то.

— Да не они это, — махнул рукой папа, — это песчаная мель, камешки там на волне перекачиваются. Жаль... Жаль, что они в связке. Шикарная закуска щукам будет.

Мы тихо побрели домой. Вместо рыбы — несли свои свитера и обувь. Жарко было, и возвращаться домой не хотелось. Сейчас мама

первая выбежит: «Много наловили?» И бабушка со своей сковородкой: «Ну, рыбаки, давайте сюда вашу рыбу, жарить будем, — я уж и мучки приготовила!» А дедушка (это хуже всего) подскочит и начнёт: «Ну, я же говорил?! Говорил же! Маленький он ещё!»

— Па-а-ап, а пап, давай домой не пойдём, а? — спросил я осторожно. — Лучше искупнёмся, потом завернём в лесочек — грибов принесём, вместо рыбы. Скажем, клёва не было — вот ничего и не поймали.

— Э-э нет, трусишка, — засмеялся папа, — врать не годится. Пошли. Облапошились мы с тобой, засмеют нас. Ну ничего... А мы потерпим. Ведь поймать-то мы поймали? Вон сколько наловили! Восемь штук! Значит, мы молодцы?

— Молодцы! — я перестал плакать.

— Да вот только добыча от нас уплыла — сами виноваты. Это в жизни бывает, — сказал папа. — А знаешь, как бабушка наша в таких случаях говорит? Бог дал — Бог и взял.

И тут прямо из-под бережка скоренько так, скоренько, по тропиночке, нам навстречу — наш дедушка. За спиной у него большой сачок на толстой палке. Он рыбу сачком ловит.

— Ну, братцы, скажу — не поверите! Во чего поймал! — и прямо нам под ноги — раз — наших окуней! Восемь штук на связке.

— Наши! — заорал я.

— Чего «наши»?! Откуда они ваши? — вытаращил на нас глаза дедушка. — Хорош! «Наши»! — он даже как будто обиделся. — Я, может, их выуживал из осоки, по пояс в воду ухнул. Во как!

Дед и правда был в облепивших его трениках, и кеды на нём были мокрые, вода сочилась из дырочек для шнурков.

— Как ты поймал-то их? — хохотал папа. — Рассказывай давай!

— Как-как... — дед поддел окуней за верёвочку и поднял. Они, сверкая, затрепыхались перед моим носом. Мой окунёк дрыгался сильнее всех. — Ну, я... это... дай, думаю, пошарю немного сачком, у меня тут местечко своё на углу, под ракитой. Тяну, значит, — а он тяжёлый... Ну всё, думаю, застрял, порву сетку. Потом чувствую, там так и бьётся, так и ходит всё ходуном. Ну я поднатужился, потянул опять, да так и сел: ноги по мокрой глине поехали. Видите — искупался, но вытянул — и ошалел! Чтоб рыбы

в упряжке плавали — пятьдесят лет рыбачу, а такого ещё не видел!

— Молодец! — сказал папа. — Шнурки мои только верни, а улов можешь себе забрать.

— И моего окуня я тебе, деда, тоже не отдам, — сказал я.

Тут папа всё дедушке и рассказал. И как же мы хохотали, когда дедушка вытаскивал папины шнурки из рыбьих пастей.

— Вот это да! Никто не поверит. А бабка — уж это точно! Скажет: «Врёте! Это опять ваши рыбацкие байки-небылицы».

«Не поверит — ну и пусть! Зато мы-то знаем, что всё это правда, — рассуждал я. — А что, права была бабушка: Бог дал — Бог взял. А потом опять дал!»

И мне теперь очень весело было идти впереди всех и нести в дедушкином сачке наш общий улов.

П Е Т Е Л Ь К И

Я проснулся, слез с дивана и через прохладные сени выбежал на крыльцо. Здесь, на солнышке, ступеньки были тёплые. Я сел.

Стайка стрижей вжикнула в синеве над берёзой, взвизгнула и пропала. Я грелся, зажмурясь,

а сам думал про стрижей: почему они всегда взвизгивают, когда летают? Наверно, им становится весело и жутко, как и мне, когда летишь на санках с крутой горы: и-и-и-х! И ещё я думал: почему тогда визжат только девчонки, а вот мальчишки нет? И ещё я хотел понять, как это так: если закрыть глаза и слегка на них нажать, то получается такой ярко-красный волшебный свет, а потом откроешь — и всё чёрно, будто ночь. Бабушка подошла как раз в тот момент, когда в моих глазах растаяла темнота.

— Привет, Колюня! Выспался? Умылся? — и похлопала меня по спине. — Давай-ка умывайся и за стол.

Я наяривал щёткой зубы и смотрел, как течёт из крана вода, переплетается, блестит на солнце прозрачными косичками. У мамы есть ваза. У неё на стеклянных боках такие же узоры, как будто из воды косички. И если сквозь вазу смотреть на солнце и наклонять голову вправо-влево, то на узоре вспыхивают фиолетовые, красные и зелёные лучики. Вот и теперь я смотрел на водяную струйку точно так же, чуть наклоняя голову то в одну сторону, то в другую... Я увидел все цвета радуги: вот красный,

фиолетовый, жёлтый, зелёный... Какое-то чудо! Я думал: как эта красота получается, из чего появляется это сиянье. И эти разноцветные искры... из ничего?!

— Ты скоро? — слышался бабушкин голос. Сразу же всё исчезло, и волшебная вода стала обыкновенной.

— Вот копуша! — бабушка рассердилась. — Всё остывает!

Я сдёрнул полотенце с крючка, мазнул им по лицу и швырнул его на спинку стула. В два прыжка я уже был за столом. Бабушка успела напечь большую горку блинов.

— А где деда? Ещё спит?

— Это мы с тобой лодыри-лежебоки, а дедушка наш — труженик, с рассветом на ногах. Он на вечер дело не откладывает — уже всю лужайку за домом выкосил.

А тут он и сам появился. Утираясь тем самым полотенцем, которое только что я куда-то кинул, он, будто медведь, говорил мне страшным голосом:

— Кто брал моё полотенце и смял его?.. Кто намочил его?.. Кто бросил как попало и не повесил на место? Съем того сейчас с косточками!

Я, вскочив, хохотал и бегал от него вокруг стола. Он поймал меня в охапку и поднёс к умывальнику:

— Вот, посмотри-ка, видишь, где полотенце висело? Это его место, оно здесь живёт вместе со своей птичкой, — и дедушка бережно повесил его.

А я-то думал, что это сучочек торчит из стены, а оказалось — это птичка с острым, вздёрнутым носиком.

К нам подошла бабушка:

— Этот сучочек дедушка нашёл в лесу, обточил, лаком покрыл. Вот и получилась птичка. Мне на память подарил. Глазок — видишь: пуговка чёрненькая — это от моей кофточки. Из ничего красоту может сделать. Вот какой наш дедушка!

А дедушка уплетал яичницу, слушал и посмеивался:

— Никому не разрешаю моё полотенчишко брать, потому что цены ему нет. Теперь такое полотенце не увидишь. Разве что в каком-нибудь музее. И не всякий красоту понять может. Потому берегу. Всем дай — и пропадёт, в тряпку изотрут и выбросят. А вещь необык-

новенная... Вот петушки красные вышиты. Петелька к петельке: какая работа! И всё-всё до ниточки — бабушкино рукоделие. А ещё — это её мне подарок. Заветный! Можно сказать, что мы с ней подарками обменялись: она мне полотенце, а я ей — птичку. Понятно?

Когда я перед обедом мыл руки, то, конечно же, вытирал их своим жёлтым полотенчиком с домиком и дедушкино полотенце брать не хотел, но мне всё слышались дедушкины слова про красоту. Будто не всякий её увидеть может. Мне захотелось ещё разочек посмотреть: чего такого я не увидел на этом его полотенце. Ну да... вот ещё тут по самому краю, после петушков, — дырочки и буковки Ж, будто в ряд стоят: получается кружевная полосочка из буквочек:

ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ

Я растянул край полотенца во всю ширину. Ничего нового не было. Три красных петуха шли друг за дружкой. Первый выступал, гордо выпятив грудку, второй будто клевал его в завиток хвоста, а сам и не видел, что третий петушок, точно такой же, щиплет его сзади за кончик пера. Я всё смотрел, как это сделано: